

В. Ханевич (Томск)

Василий Ханевич – сотрудник Томского государственного педагогического университета, активист польской диаспоры, занимается историей польской диаспоры в Западной Сибири. Заведующий мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД» в Томске.

«Польская операция» НКВД в контексте истории жителей польского села Белосток в Томско-Нарымском регионе Западной Сибири

Одним из мест компактного проживания лиц польской национальности в Томско-Нарымском регионе Западной Сибири является село Белосток, основанное еще в конце XIX – начале XX века польскими крестьянами-переселенцами, добровольно переехавшими из Седлецкой, Гродненской, Виленской, Варшавской губерний в Сибирь в поисках земли и лучшей доли для себя и своих детей.

О трагедии жителей Белостока в годы «Большого террора» (1937–1938), когда в ходе операций НКВД было репрессировано все взрослое мужское население села, узнал я, слушая воспоминания своих родителей, бабушек, соседей, односельчан. Позже, в 1990-е годы, многое позволили выявить изученные архивы КГБ. Среди репрессированных в эти годы оказались практически все мои родственники: три прадеда и их братья, оба деда и их братья, братья бабушек... Вместе с тем трагическая судьба жителей сибирского Белостока в моем понимании является не только историей жителей данного конкретного места компактного проживания поляков, но также калькой судеб тысяч других лиц польского происхождения, оказавшихся в силу разных обстоятельств на территории СССР и являющихся согласно сталинской Конституции «равноправными гражданами» Страны Советов.

Рассматривая национальный аспект массовых политических репрессий периода «Большого террора» в Западной Сибири и, в частности, на территории современной Томской области, мы можем с полным основанием констатировать, что среди жертв массовых репрессий этих лет поляки составили одну из самых многочисленных национальных групп. Так, по данным анализа базы данных репрессированных в 1937–38 гг., на территории области было арестовано 14259 лиц русской национальности (67,78% от общего числа репрессированных), 6607 (46,3%) из них было расстреляно. Второе место в абсолютном

отношении по числу арестованных заняли поляки – 1515 человек (7,2% от общего числа репрессированных). Из них 1205 человек были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны, что составило 79,54% от общего числа арестованных¹. Для сравнения: в этот же период на томской земле было репрессировано 1109 украинцев, 708 немцев, 591 белорус, 532 латыша, 429 евреев².

Однако на наш взгляд указанное число репрессированных в регионе поляков требует уточнения и корректировки. Как известно, источником базы данных репрессированных были анкеты арестованных, имеющиеся в архивно-следственных делах осужденных. Существующая практика арестов предписывала заносить в анкету помимо других данных также сведения о национальной принадлежности арестованного на основании его паспорта или иного документа, а при отсутствии документов – на основании устного показания арестованного или же по усмотрению следователя, что было довольно частым явлением в ходе «польской операции» 1937–38 годов.

Изучая поименные списки репрессированных жителей Томской области, невольно обращаешь внимание на огромное количество фамилий и имён явно польского звучания, однако в анкетных данных многих из них в графе «национальность» в большинстве случаев записано «русский». Объяснить это можно не только тем, что в Сибири проживало в то время (и продолжает жить сегодня) много потомков ссыльных поляков XIX века, к 1930-м годам начисто утратившим национальную принадлежность своих предков. Немаловажным фактором в национальной

1 В. Н. Уйманов. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск, 2016. с. 667.

2 В. Н. Уйманов. Репрессии. Как это было... Томск, 1995. с. 50.

переориентации сотен, если не тысяч поляков в Сибири, начиная с Советско-польской войны 1920 года, был страх перед репрессиями со стороны карательных органов и вполне понятное желание этих репрессий избежать. Только в мае 1938 года после длительного перерыва был возобновлён централизованный учёт арестованных по национальностям, а циркуляром НКВД СССР № 65 от 2 апреля 1938 года был установлен порядок указания национальности в паспорте исходя исключительно из национальности родителей, а не по устному заявлению гражданина. Всё это позволяет существенно скорректировать указанное число репрессированных по области поляков в сторону увеличения.

Имеющиеся в нашем распоряжении даже неполные и требующие корректировки сведения о поляках, репрессированных в Томской области с 1922 по 1953 год, позволяют во многом проанализировать динамику, характер и другие аспекты репрессий в отношении лиц польской национальности на территории Томской области, однако это не является задачей данной статьи. И все же следует сказать, что репрессии в отношении поляков в Томско-Нарымском регионе начались с первых дней установления здесь в конце декабря 1917 года советской власти и начала деятельности уездной и губернской ЧК, прежде всего против тех, кто сотрудничал с правительством адмирала Колчака или же был в числе польских легионеров. Период Советско-польской войны 1920 года также непосредственным образом отразился на отношении местных карательных органов к сибирским полякам. На основании изучения местных архивных источников установлено, что в 1920 году в Томске ЧК было арестовано и отправлено в концлагерь «для обмена с Польшей» несколько десятков поляков. Некоторые из них были без суда и следствия расстреляны³. Архивные данные подтверждаются мемуарными воспоминаниями участников тех событий⁴ [4, с. 50–53]. Собственно, в этот же период началась и «Белостокская трагедия»: началась она с ареста и расстрела по приговору Молчановского ЧК в феврале 1921 года капеллана Белостокско-Маличевского католического прихода ксендза Франтишка Грабовского⁵.

Следующим этапом в хронологии групповых арестов поляков на территории области, как явствует из данных, были 1930 и 1931 годы, когда целая группа поляков не только из числа жителей города Томска, прилегающих населённых пунктов, но и Новосибирска была арестована по делу ксендза Юлиана Гронского, администратора католической Церкви в Сибири. 18 человек были осуждены к разным срокам заключения, 7 человек освобождены с зачётом в наказание срока предварительного заключения. Среди них был и житель села Белостока, староста костельной двадцатки Сигизмунд Пронский, отсидевший под следствием один год и выпущенный на свободу с зачётом уже отбытого срока ареста. Следует отметить, что указанный процесс в данном случае не носил антипольского характера, а арестованные поляки были осуждены как прихожане католических костёлов, якобы способствующие антисоветской и шпионской деятельности Юлиана Гронского⁶.

В начале февраля 1935 года Нарымским окружным отделом ГПУ были арестованы и привлечены к суду сразу семнадцать жителей Белостока и соседних Ново-Андреевских хуторов за то, что все они якобы проводили «антисоветскую и антиколхозную агитацию, добились развала инициативной группы по организации в селе колхоза, а также на почве классовой ненависти имели договоренность убить председателя сельсовета и некоторых других активистов села...». В дальнейшем в ходе следствия в отношении половины из них дело было прекращено «за недостаточностью предъявленных улик», зато вторую половину (8 человек) 5 апреля 1935 года выездная сессия Нарымского окружного суда приговорила по ст. ст. 58 и 73 УК РСФСР к срокам заключения от 3 до 10 лет как противников коллективизации в селе и в целях устрашения всех остальных⁷. Изучение базы данных репрессированных показывает, что подобные аресты, показательные суды и приговоры в период «ликвидации кулачества как класса» затронули, наряду с жителями села Белостока, не одну сотню живших в Томско-Нарымском регионе поляков. Но, как и в случае с арестами 1931 года «по делу ксендза Гронского», эти репрессии пока еще не носили национального оттенка и были осуществлены в рамках общей репрессивной политики периода коллективизации.

3 Поляки в Томском крае. 1920–1940-е гг. (Сборник архивных документов и материалов). Томск: Изд-во «Национального исследовательского Томского политехнического университета», 2013. с. 359.

4 Wiktor Mankowski. Polacy w Tomsku w latach 1910–1921 // «Sybirak» № 3, 1938. с. 50–53.

5 В. Ханевич. Поляки в Томске. XIX–XX вв. Биографии. Томск,

2015, 2 изд. с. 133.

6 См. более подробно об этом процессе: W. A. Chanewicz. Z historii kościoła katolickiego na Syberii Zachodniej. Księża katolickcy w 20–30. latach XX w. // «Zesłaniec» № 2, 1997. с. 98–100.

7 Wasyl Haniewicz. Tragedia Syberyjskiego Białegostoku. Pelplin, 2008. с. 42–49.

Однако уже в деле 1936 года, заведенном Томским горотделом НКВД в отношении целой группы поляков численностью 34 человека, проживавших в селе Межениновка и соседних с ним хуторах вблизи Томска, явно просматривалось желание работников НКВД использовать национальность арестованных. Против всех арестованных усилиями Томского горотдела НКВД было сфабриковано дело о так называемой контрреволюционной организации «Партия народных героев» (под этим пафосным названием явно подразумевались «герои Польши»), состоящей якобы из числа контрреволюционно настроенных лиц польской национальности при прямом влиянии на них ксендзов Юлиана Гронского и Иеронима Терпенто. При подготовке дела был задействован секретный сотрудник НКВД, специально внедренный в польскую среду жителей села Межениновка, с помощью которого удалось сфабриковать материалы и приговорить всех арестованных к разным срокам лишения свободы (от 3 до 10 лет). Некоторым из них удалось пережить Гулаг, с двумя из них в 1990-е годы удалось познакомиться и записать их воспоминания⁸.

Новый этап, основной пик репрессий в отношении поляков на томской земле, связан с 1937–1938 годами. Впрочем, и общий взлёт репрессий в целом по стране пришёлся также на эти годы, получившие название «Большой террор». В общей системе репрессий 1937–1938 гг. национальные операции, в том числе и в отношении поляков, занимали особое место. Их теоретическое обоснование было дано Иосифом Сталиным. Эти операции были тесно связаны со сталинским ощущением приближения войны, с его страхом перед так называемым реальным и предполагаемым «враждебным окружением», под которым подразумевались в первую очередь страны, граничащие с СССР. Исходя из этого выдвинутого им тезиса практически все проживающие в стране финны, литовцы, латыши, немцы, поляки независимо от классовой принадлежности, времени нахождения в стране, личной преданности сталинскому режиму, политического прошлого рассматривались, по меньшей мере, как подозрительные лица, а в большинстве случаев – не иначе как явные или потенциальные представители «пятой колонны».

Руководством для выкорчёвывания «польской пятой колонны» в центре и на местах для областных и республиканских органов НКВД стал приказ НКВД СССР № 00485, который был одобрен Политбюро ЦК

ВКП(б) 9 августа 1937 года, 11 августа подписан Ежовым и вместе с закрытым письмом «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР» разослан во все местные органы НКВД⁹. Согласно этому секретному приказу, в целях ликвидации на всей территории Советского Союза «незатронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки ПОВ и основных людских контингентов польской разведки в СССР» аресту подлежали представители довольно широкого круга польского населения, сгруппированные в приказе по 6 основным категориям:

1. Выявленные в процессе следствия и до сего времени не разысканные активнейшие члены ПОВ по прилагаемому списку;
2. Все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии;
3. Перебежчики из Польши, независимо от времени перехода в СССР;
4. Политэмигранты и политобменные из Польши;
5. Бывшие члены ППС и других польских политических партий;
6. Наиболее активная часть местных антисоветских и националистических элементов польских районов⁹.

В связи с выходом приказа НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 г. о репрессировании лиц польской национальности в УНКВД по Западно-Сибирскому краю 19 августа был подписан собственный приказ № 812/79. В нем, кроме повторения уже прописанных тезисов о том, что в Москве вскрыт и ликвидирован центр «Польской организации войсковой» – крупнейшей шпионско-диверсионной организации, созданной польской разведкой и сформировавшей на территории СССР многочисленные «фашистско-повстанческие, шпионско-диверсионные и террористические организации и группы», – добавлено, что это стало возможным «благодаря нашей беспечности и плохой работе органов УГБ ЗСК... Несмотря на наличие большой концентрации в... крае польских перебежчиков, политэмигрантов и старых кадров «Польской организации войсковой», на протяжении ряда лет в ЗСК не вскрыто ни одно сколь-нибудь значительное шпионско-диверсионное формирование, созданное разведкой...». Далее в этом «местном» приказе уже

8 В. Ханевич. Страшная сказка о «Партии народных героев» // Каменный мост: литературно-художественный альманах. Томск, 2004. с. 400–407.

9 Приказ НКВД СССР № 00485 впервые опубликован с небольшой купюрой в кн.: Ленинградский мартиролог, 1937–1938 гг. Т. 2. СПб., 1996. С. 454–456. Полностью без купюр опубликован на польском языке в историческом журнале «Karta», издающемся в Варшаве. 1993. № 11. С. 27–29.

указывались конкретные промышленные объекты региона, где надлежало провести аресты¹⁰.

Поиск представителей польской национальности велся через адресные бюро, паспортные столы, спецотделы на предприятиях, а так же в учреждениях, ЗАГСах, списках профессиональных и общественных организаций и т. п. В случае когда таковых оказывалось недостаточно в силу объективных причин, сотрудники органов НКВД начинали отбор по вторичным признакам, например по созвучности и окончаниям фамилий. Так, если фамилия оканчивалась на «-ский» или «-ич», то человека автоматически причисляли к полякам. Автором этой «теории» был сотрудник 3-го отдела УГБ УНКВД по Новосибирской области И. И. Кононов, она была известна всему оперсоставу УНКВД по НСО, и многие ею пользовались¹¹. Помогала также «оперативная смекалка» сотрудников НКВД, которая позволяла вскрывать контрреволюционные организации в местах компактного проживания лиц той или иной «враждебной национальности».

Вернемся к судьбе жителей сибирского Белостока. К середине 1930-х годов он представлял собой одно из мест компактного проживания поляков, численность населения которого вместе с детьми и женщинами не превышала 400 человек. Согласно сельскохозяйственной переписи 1916 года, в поселке насчитывалось 95 крестьянских хозяйств и проживало 516 человек, под пашней находилось 285 десятин возделанной земли. Во всех хозяйствах насчитывалось 267 лошадей и 374 головы крупного рогатого скота¹². Понятно, что 1916 год был далеко не лучшим годом по показателям для жителей поселка: шла война, часть мужчин воевала на фронте, хозяйства приходили в упадок. Статус села поселок получил вследствие того, что здесь был построен и в 1910 году освящен во имя св. Антония Падуанского католический храм. Наличие в селе костела делало его более привлекательным для жительство среди переселенцев-католиков, но их поток иссяк с началом Первой мировой войны. Последующие годы, уже при советской власти, также мало что изменили в демографии поселка. Более того, не желая вступать в колхоз в 1935 году и опасаясь быть за это репрессированными, около десятка семей спешно покинули село, переехав в районный центр Кривошеино, уехали в город Томск, а несколько семей даже

предприняли попытку вернуться на родину в Польшу, временно осев в Ростовской области. Таким образом, к началу 1937 года взрослое мужское население села не превышало сотни человек.

«Большой террор» в Белостоке начался 13 августа 1937 года с ареста шестерых его жителей, в числе которых были директор, учитель и завхоз местной школы (не поляк), председатель колхозного правления и еще два жителя села. 20 и 21 октября были арестованы еще шестеро односельчан. 14 января 1938 года в селе вновь возобновились аресты. Арестовали еще 4-х жителей села, среди которых оказался также мой 75-летний прадед Александр Иоч, один из тех, кто в далеком 1898 году в числе первых стал основателем сибирского Белостока. Таким образом, в 1937 году в селе было арестовано 16 человек, однако главная трагедия была впереди, и случилась она в ночь с 11 на 12 февраля 1938 года.

Как вспоминали старожилы, а затем много позже подтвердили архивные документы, в эту ночь было арестовано практически все взрослое мужское население этого польского села в Сибири – 88 человек. Всю ночь арестованные содержались под стражей в помещении маленькой избы-читальни, именуемой «Народным домом», а рано утром 12 февраля в 30-градусный мороз под рев и причитания родных и близких мужчины Белостока были отправлены под конвоем пешим ходом в районный центр Кривошеино, что находится в 30 километрах от села. Тех, кто не мог по старости или болезни идти пешком, везли в санях на лошадях. В селе Кривошеино к этапу арестованных жителей Белостока были присоединены такие же «враги народа» из соседних деревень, и путь под конвоем продолжался ещё 150 километров, завершившись в тюрьме Нарымского окружного отдела НКВД в городе Колпашево.

После насильственной разлуки с арестованными у каждой оставшейся в селе жены, матери, дочери к вопросу «За что арестовали?» прибавились вопросы: «Где он?», «Что с ним?». Поиски ответов на эти вопросы затянулись на долгие пятьдесят лет. Сразу после арестов мужчин Белостока никто из родственников в селе не получил хоть каких-то разъяснений об их судьбе. Сказано было всем одно и то же – мол, осуждены на десять лет без права переписки и отправлены в дальние лагеря. Не знали еще тогда, что за словами работников НКВД «осужден на 10 лет без права переписки» кроется расстрел. Верили женщины этим заявлениям и не знали, что большинство арестованных в ночь с 11 на 12 февраля жителей Белостока были расстреляны в Колпашевской

10 В. Н. Уйманов. Ликвидация и реабилитация... с. 571.

11 Из показаний бывшего сотрудника 3-го отдела УГБ УНКВД по Новосибирской области Ю. Бермана // Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 184470/фТ-7. Л. 333.

12 W. Haniewicz. Tragedia Syberyjskiego Białegostoku. Pelplin, 2008, с. 22.

тюрьме НКВД 14 мая 1938 года. Вот так при изложенных выше обстоятельствах началась трагедия жителей далекого сибирского села, получившая название «Белостокская трагедия» и ставшая своеобразным символом трагедии порядка 200 тысяч поляков, разгравшейся в СССР в 1937–1938 годах в ходе реализации «польской операции НКВД».

Как показывают результаты изучения многих сотен архивно-следственных дел осуждённых в 1937–1938 годах поляков, живших в городе Томске и Нарымском округе, практически все они стали жертвой реализации указанной «польской операции», проведенной по приказу НКВД СССР № 00485, и были осуждены в подавляющем большинстве как активные участники «Польской организации войсковой» (ПОВ) или просто как члены контрреволюционной националистической польской организации. Полякам, арестованным до проведения «польской операции», как правило, вменялись в вину шпионаж, антисоветская агитация (АСА), контрреволюционная деятельность (КРД) и другие вымышленные преступления.

Следует отметить, что в Западной Сибири, как в одном из мест компактного проживания поляков, приказ № 00485 выполнялся с наибольшим

усердием и рвением. Так, только с 25 августа 1937 года по 15 ноября 1938 года в ходе реализации приказа № 00485 УНКВД в Новосибирской области (до 1944 г. Томская область входила в состав Новосибирской) было осуждено 7444 человека, из которых 7012 было расстреляно. В эти же сроки ДТО ГУГБ НКВД Томской железной дороги был осужден 381 человек, из которых 365 было расстреляно¹³. Для сравнения: в Алтайском крае в эти же сроки было осуждено 1540 поляков, из них расстреляно 1230 человек; в Красноярском крае – арестовано 2269 человек, из них расстреляно 1589; в Иркутской области – осуждено 649 человек, из них расстреляно 626 человек¹⁴.

Трагическая судьба жителей сибирского Белостока, ставших жертвами карательных органов НКВД, является всего лишь одним из маленьких эпизодов большой трагедии в ходе реализации так называемой «польской операции НКВД», которая была закономерным следствием конфронтационной политики советского руководства 1920–1930-х гг. в отношении Польши как независимого государства. А поляки и польские граждане, оказавшиеся в стране победившего социализма, поголовно стали заложниками этой политики. ■

13 Н. В. Петров, А. Б. Рогинский. Польская операция НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: «Звенья», 1997. с. 42–43

14 В. Н. Уйманов. Ликвидация и реабилитация... с. 42–43.